

«Он очнулся ради меня».

Едва эта мысль замаячила в голове, всё моё существо точно превратилось в лакомый машевый пирожок — насквозь, от самой сердцевины, пропитано чистой сладостью.

Я всё ещё сгорал от смущения, а он уже медленно прикрыл веки. Он был невероятно слаб: то, что он сумел пересилить себя и вымолвить пару слов, уже казалось пределом его сил.

Я тихонько окликнул его. Глаз он не разомкнул, лишь издал глухой, едва слышный звук из самого горла.

— Попьёшь немного воды, а?

Ответа не последовало. Тогда я осторожно приподнял его и поднёс к сухим губам пиалу с тёплой водой. Сделав несколько медленных глотков, он снова погрузился в глубокий сон.

Я смотрел на него, вновь застыв в каком-то оцепенении. От воды его губы увлажнились, налились живым, влажным глянцем, скрасившим болезненную бледность. В те дни, когда я поил его снадобьем из губ в губы, они казались совсем мягкими, но ледяными... Интересно, потеплели ли они хоть немного теперь?..

«Небеса, о чём я только думаю?!»

Я в стыде зажал лицо ладонями, чувствуя, как пылают мочки ушей.

Он ведь обронил, что очнулся, услышав моё неровное дыхание. Выходит, за все эти дни он слышал каждую глупость, что я наговорил ему без умолку? Вдруг он посчитал меня несносным болтуном?.. Хотя я и догадывался, что он всё слышит, но получить подтверждение из его собственных уст оказалось до крайности смутительным.

На душу неожиданно накатила светлая грусть. Он узнал все мои мелкие заботы и пустяки, а я о его прошлом не ведаю ровным счётом ничего. Каким он был в детстве — озорным непоседой или прилежным, послушным мальчиком? Что любит есть, есть ли у него близкие друзья?

Но вслед за грустью пришла сладость. Столько дней пролежав без чувств, он очнулся лишь ненадолго — и, убедившись, что я поел, тут же снова погрузился в небытие. Словно весь этот проблеск сознания был дан ему только ради того, чтобы уберечь меня от голода.

Моё сердце будто разрывалось на части, переполняемое самыми противоречивыми чувствами. То я готов был от радости взмыть под самые небеса, то замирал от страха: а вдруг он знает про те поцелуи? Но следом приходил иной страх — а вдруг не знает? В следующий миг я изнывал от тревоги за его здоровье, а потом страстно жаждал, чтобы он очнулся и поговорил со мной. Но тут же пугался встретиться с ним взглядом, боясь, что эти глаза насквозь прозрят всю мою

ликующую радость и девичий стыд.

Лицо пылало непрестанно.

Испугавшись, что от такого жара мой разум окончательно помутится и я за глупость стану и вовсе безнадёжным, я обхватил голову руками и принялся раскачиваться из стороны в сторону, тщетно пытаясь остудить этот пыл.

Застав меня за этим занятием, зашедший в комнату Дунцзы решил, что меня опять одолел недуг. Он поспешно подскочил и приложил ладонь к моему лбу. Пощупав так и этак и ничего не поняв, он недоуменно пробормотал:

— Жара вроде нет... Ваше Высочество, отчего же вы так зарделись?

Я неловко покашлял, пытаюсь скрыть смущение, и отстранился от его руки.

Безмерная радость, как и безграничная печаль, — не те вещи, о которых стоит распространяться перед другими; их следует бережно хранить в самой глубине сердца.

Потому я напустил на себя строгий вид и, маскируя неловкость развязным тоном, сменил тему:

— И где тебя носит? Князь тут чуть с голоду не помёр!

Дунцзы удивленно взглянул на меня:

— Так ведь Матушка-императрица изволила призвать меня во дворец, Ваше Высочество сами же знали.

В руках он держал лаковый сундучок для еды, источавший аппетитный аромат свежей выпечки. Внутри оказались три тарелочки: с машевыми пирожными, хрустящим «снежным» печеньем и сладостями из финиковой пасты — всё то, что я любил больше всего.

— Только-только из императорской кухни. Матушка-императрица велела передать это Вашему Высочеству.

Я молча отправил в рот кусочек машевого пирога. В груди зацепало от щемящей тоски.

Дунцзы, поймав мой взгляд, замялся и нерешительно продолбил:

— Матушка-императрица расспрашивала обо всём: что Ваше Высочество изволите кушать каждый день, хорошо ли спите по ночам, каково ваше настроение... Похоже, Её Величество

очень скучает по вам. Если посчитать, вы ведь уже около месяца не показывались во дворце.

Прежде я каждые два-три дня навещался во дворец, чтобы засвидетельствовать почтение Отцу-императору и Матушке-императрице. А когда выдавались совсем праздные дни, забегал и того чаще.

Но на сей раз я перешёл все границы. Перечил главе Палаты государственного этикета, открыто дерзил Наследному принцу, безбожно упрямылся и днями напролёт сидел в покоях Цзи Минчэня — одно за другим. Как бы ни был снисходителен ко мне Отец-император, он не мог закрыть глаза на подобное самоправство.

За этот месяц ни Отец-император, ни Матушка-императрица не вызывали меня. Всё казалось обманчиво спокойным, однако я знал: буря неизбежна. Потому я всеми силами оттягивал визит во дворец, стараясь даже не думать об этом.

И всё же Матушка-императрица сама призвала моего слугу — но не для того, чтобы призвать к ответу или скрыто предостеречь, а лишь бы узнать, сыт ли я и в тепле ли спокоен мой сон. И даже передала мои любимые лакомства.

Я опустил глаза и тихо спросил:

— Как здоровье Матушки-императрицы?

— Её Величество изволит пребывать в добром здравии, — ответил Дунцзы. — Вот только, стоит речь зайти о Вашем Высочестве, на её лице проступает печаль. Должно быть, очень тоскует по вам.

— Днём снова отправишься во дворец, — молвил я. — Передай Матушке, что у меня всё благополучно. И добавь: как только я завершу все дела здесь, то непременно явлюсь с повинной.

Я перевёл взгляд на подоконник. Там, купаясь в тёплых солнечных лучах, изящно распустила лепестки нежно-жёлтая орхидея.

— Матушка любит орхидеи. Эта зацвела на загляденье красиво — отнеси её ей.

После полудня пришел придворный лекарь. Я сообщил ему, что Цзи Минчэнь очнулся.

Старый лекарь с улыбкой промолвил:

— От отчаянного стремления к смерти к непреклонной воле к жизни... Нрава сей молодой господин недюжинного! Ваше Высочество всё это время находились подле него, не заметили

ли вы, что именно послужило толчком к его пробуждению? Старому слуге не помешало бы внести сие в медицинские записи.

Я густо покраснел и замялся, не в силах вымолвить ничего внятного. Увидев это, старик не стал расспрашивать дальше.

Завершив осмотр и приготовив снадобье, лекарь уложил инструменты и уже собрался уходить, как Цзи Минчэнь снова открыл глаза.

Он всё ещё был чрезвычайно слаб. Наполовину прикрыв веки, он обратился не ко мне, а к лекарю:

— Почтенный, будьте добры, осмотрите Третьего принца. Ему только что было нехорошо.

Лекарь тут же повернулся ко мне с расспросами и взялся за моё запястье, чтобы проверить пульс. А я лишь ошеломлённо хлопал глазами, глядя на Цзи Минчэня, который уже снова погрузился в сон.

Вот уж истинно — беда прилетела, откуда не ждали!

Спустя час я стоял перед пиалой с густым, абсолютно чёрным отваром, источавшим невыносимую горечь, и, с трудом сдерживая слёзы, судорожно зажимал нос.

Старый лекарь с добродушной ухмылкой посмотрел на меня:

— Ваше Высочество, прошу.

Я попытался воззвать к разуму:

— Да со мной уже всё в порядке!

А сам про себя думал с ужасом: горечь я не выносил пуще всего на свете!

Лекарь укоризненно покачал головой:

— Судя по пульсу, у Вашего Высочества наблюдается истощение инь селезёнки и желудка — должно быть, последствия детского недуга. Погода нынче становится всё холоднее, к тому же в полдень вы снова почувствовали недомогание. Нынче вам необходимо как следует позаботиться о здоровье.

И старый лекарь, и прислуживавший ему молодой помощник в четыре глаза уставились на

меня.

В конце концов, я всё же князь — не гоже мне кататься по полу и закатывать истерики, отказываясь от лекарства, это ведь несмыслимый позор. Пришлось с кислой миной, зажав нос и зажав дыхание, словно идя на верную смерть, поднять пиалу и залпом выпить всё до дна.

О небеса, до чего же горько! Горько так, что всё лицо сморщилось в один сплошной комок. Я судорожно схватил со стола финиковое пирожное и затолкнул его в рот.

Увидев, что пиала опустела, старик довольствовался улыбкой:

— Сие снадобье лучше принимать непрерывно в течение семи дней. Завтра старый слуга вновь приготовит его для Вашего Высочества.

С этими словами он собрал вещи и отбыл.

Ч-что?! Семь дней подряд?!

Я ошеломлённо смотрел ему вслед, едва удерживаясь от слёз.

Я повернулся к кровати, где тихо лежал Цзи Минчэнь — главный виновник моих страданий. И надо же было ему очнуться ровно на то мгновение, чтобы подложить мне такую свинью, и тут же вновь погрузиться в сон!

Подойдя ближе, я присел на край ложа и взял его за руку.

Впрочем, едва я глянул на это лицо, вся обида тут же развеялась без следа. Я притянул его ладонь и прижал к своей щеке, с наигранной обидой прошептал:

— Небожитель ты мой, за что ты так со мной?..

Он, разумеется, не откликнулся.

Я медленно протянул руку и осторожно кончиком пальца коснулся его длинных, густых, как вороново крыло, ресниц — они оказались совсем мягкими. Сердце заколотилось как бешеное от страха, что он внезапно откроет глаза.

Вдруг раздался какой-то шорох. Я от неожиданности вздрогнул, решил, что он очнулся, мгновенно отдернул руку, зажмурился и на одном дыхании вылил:

— Я... я прощаю тебя!

Прошло довольно много времени, а кругом царила тишина. Я приоткрыл один глаз и увидел, что он спит так же безмятежно, как и прежде. Оказалось, это всего лишь порыв ветра колыхнул лёгкую занавеску на окне.

Вот уж точно — на воре и шапка горит!

Облегчённо переведя дух, я прилёг рядом с ним и ласково уткнулся носом в его щёку и шею.

— Цзи Минчэнь, — тихо позвал я его на самое ухо. — Выздоровливай скорее. Вот избавишься от яда, окрепнешь... и тогда будешь обнимать меня, пока я сплю.

<http://bllate.org/book/20619/2130829>